

СТАЛ НЕ АКТЕРОМ, А ПОЭТОМ

— Поездки? Это совершенно необходимо, — говорит Джемс. Поэт нуждается в непосредственном соприкосновении с тем, о чем пишет. Можно в совершенстве знать какую-то тему, предмет. А для поэзии этого недостаточно. Для нее важнее всего впечатления, пережитые чувства. Не придут сами на ум настоящие детали — их надо заметить, найти. Потому мне «не надо узкоплечной погоды, ищу полнометражных холодов». И возвращаюсь всегда из поездок с многими заполненными блокнотами, где и дневниковые записи, и детали, заметки, и отдельные стихотворные строчки, из которых рождается ритм, стихи.

— Скажите, Джемс, цель посещения Вами нашего города — творческая?

— Да конечно, я работаю над «Уральской поэмой». В нее войдут детские воспоминания о Свердловске, где мы с мамой, которая работала в госпитале, были в эвакуации. Это память о моем друге Алеше — художнике. Я помогал ему оформлять госпиталь. Ему было больше двадцати. Он погиб на фронте в 1943.

Только что в Магнитогорске познакомился с людьми, что знали моего отца, журналиста, тоже погибшего в Великую Отечественную войну. Он встречался с рабочими металлургического завода, где до войны был интернациональный клуб рабочих.

В Челябинске и Магнитогорске на заводах беседовал с рабочими, видел новые доменные печи. Моя поэма включает в себе и прошлое, и настоящее Урала. Через прошлое хочется рассказать о современности края.

— Расскажите, пожалуйста, с какими из ваших новых стихов скоро смогут познакомиться читатели?

— В одном из ближайших номеров «Юности» появится подборка моих стихов, в «Литературной газете» выйдут мои американские стихи, вошли они и в сборник «День поэзии».

Готовы к выходу в свет две новые книги «Морские спутники» и «Взаимодействие». Первая посвящена друзьям по флоту. Ведь я в юности закончил Нахимовское училище, служил в Военно-Морском флоте. Там-то и стал поэтом, написал первые стихи.

Литинститут, встречи с Сельвинским, Светловым, книги мои были потом. Вначале были штормы, морская школа, стихи во флотских газетах. «Вот из них-то, милый, я и узнал впервые вас», — говорил мне Михаил Светлов.

Интервью взяла Т. ЩУКИНА.

Д. ПАТТЕРСОН

ОРЕНБУРГСКИЙ ПУХОВЫЙ ПЛАТОК

Признаюсь вам,
что есть тому причина,
что трепетно держу я
на весу
платок таинственный,
как паутина,
в оренбургском утреннем
лесу.
Мне чудятся березовые
чаши,
и шорох трав степных,
и облака,
свечение реки и эти
пашни —
в озвученной воздушности
платка.
И где-то голубые
травы косят,
и совершают в космосе
витки.
А женщины моей России
носят
спокойные пуховые
платки.
И как-то по-особому
возвышен,
дышу естественно и
глубоко,
хотя и хорошо о том
наслышан,
что раздобыть его
не так легко.
Приеду с драгоценною
обновой
в эту несравненную
красу —
Оренбургский,
дымчатый
пуховый
платок в подарок маме
привезу.

Россия и Африка

Я не помню себя,
Я не помню подробностей,
Я не помню избытка
актерских способностей.
Но я помню,
как что-то взволнованно
пели
две старушки в детской
моей колыбели.
И склонялись они надо
мною,
разнокожие,
Чем-то очень похожие
и непохожие,
И меня одинаково руки
качали,
и простое тепло их глаза
излучали.
Напевала одна что-то
ясное, близкое,
напевала другая мне
песни английские.
Я лежал и внимал
этим льющим
звукам,
я я был для обеих
единственным внуком...
Я не помню себя,
я не помню подробностей.
Я не помню избытка
актерских способностей.
Но я помню, как что-то
взволнованно пели
Мне Россия и Африка
у колыбели.

Редактор В. КУЛАГИН.